

УДК 165.4

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: СПЕЦИФИКА ПЕРЕНОСА

Б.К. Турчевская

Дальневосточный государственный гуманитарный
университет, г. Хабаровск
E-mail: bkturchevskaya@inbox.ru

Турчевская Бэлла Крымовна,
канд. филос. наук, доцент
кафедры философии Дальневос-
точного государственного
гуманитарного университета, г.
Хабаровск.
E-mail: bkturchevskaya@inbox.ru
Область научных интересов:
онтология и эпистемология.

Обсуждаются способы трансляции (переноса) информации с одного уровня знания на другой. Рассматривается специфика метафоры и мифа.

Ключевые слова:

Научное познание, информация, миф, метафора, проблема понимания, виртуальная реальность.

Key words:

Scientific knowledge, information, myth, metaphor, problem of understanding, virtual reality.

Специфика информационных переносов заключается в трансляции информации из области, где она получена, в другую область знания с последующим закреплением в новом контексте. Следует заметить, что информационный перенос – это изменение формы (бытия) информации в процессе её движения, что предполагает применение стереотипов – устойчивых, фиксированных формулировок, исключающих любую двусмысленность. Этот единственный смысл и сохраняет стереотип, даёт возможность понимать его однозначно не только в процессе трансляции информации, но и в ситуации информационного переноса с одного гносеологического слоя на другой.

Выражая опыт определённой группы, стереотипы закрепляют информацию об однородных явлениях, процессах, субъектах; дают возможность обмениваться информацией, понимать друг друга, вырабатывать общие взгляды, ценности, мировоззрение.

Стереотипы «экономичны» для сознания и поведения, они способны сокращать процесс познания и понимания происходящего в мире, вокруг субъекта, а также усваивать и воспроизводить социальный опыт. Выполнение перечисленных функций тесно связано с тем, что стереотип выражается в языковых структурах – понятиях, категориях, формулировках, среди которых мы более подробно рассмотрим миф и метафору.

Особенностью языковых форм существования стереотипа является невозможность рассмотрения их в рамках «истина – ложь». Причина этого в следующем: в стереотипе главное не истинность знания, а вера и убеждённость субъектов в истинности этого знания, его социальной значимости для данной группы. Основное значение несёт не сама формулировка стереотипа, а совокупность образов, закреплённых в нём и однозначность их понимания субъектами одной общности.

Предмет нашего рассуждения – трансляционные процессы, которые рассматриваются не просто как технический акт по передаче того или иного сообщения одного коммуниканта другому, а как информационный перенос достоверного знания из области, где оно было установлено, в иную область с применением мифов и метафор.

Надо заметить, что содержание и того и другого понятия может быть различным. Так, существует разница между метафорой как чисто языковым явлением и метафорой как средством понимания, то есть между метафорой языка и метафорой мышления или в терминологии Д. Оллбригтона – «концептуальной метафорой».

Мы выделяем метафоры мышления как механизм трансляционных процессов, возникающих в следующих случаях между:

- отдельными субъектами (социальными группами);
- разными областями знания;

- различными уровнями одного знания.

Роль концептуальной метафоры заключается в нанесении знания об одной концептуальной области на «карту» другой, что сопровождается структурированием процесса понимания во многих областях [1].

В указанном случае, метафора помогает установить близость между говорящим и слушающим, выявляет общие основания понимания между участниками диалога, играет различительную роль, ведь её понимание (непонимание) отражает существование (не существование) этого основания.

В трансляционных процессах, возникающих при переносе информации из одной области знания в другую (вариант «б») метафора устанавливает сходство между двумя областями. Это может быть сходство, связанное со старыми ассоциациями, но возможны и новые аналогии, появившиеся в данном конкретном случае понимания.

Разноуровневая информация также требует метафоры (вариант «в»). Здесь метафора даёт схему для понимания нового или для реструктурирования понимания старого, уже известного материала. Эта функция очевидна в области научных теорий. Так память сравнивали то с восковыми табличками, то с фонографом, коммутатором телефонной станции или компьютером. Каждая из метафор влияла на теоретические подходы в изучении памяти.

Следует отметить влияние метафор не только на теоретическое мышление, но и на повседневное. Даже наше понимание повседневных представлений, например, гнева, есть структурированная концептуальная метафора, которая выражается в терминах пара и давления. То же самое происходит, когда речь идёт о распространении или вернее трансформации специализированного, сложного научного знания, через его популяризацию в знание более понятное, близкое к обыденной реальности, здравому смыслу.

Подобный перенос информации с одного уровня на другой, низлежащий, довольно непростая задача. Она возникает, в частности, тогда, когда появляется необходимость популяризации знания через систему образования. Для того чтобы сделать научные знания доступными обучающимся, нужно принять во внимание их психологические и интеллектуальные возможности. Необходимо знать каковы познавательные способности среднего человека, какой объём информации он сможет усвоить.

Трудности процесса образования во многом связаны с возрастанием объёма информации, усвоение которой затруднительно даже в более или менее доступном изложении. Разрешение проблемы не в поверхностном запоминании всё большего количества информации, а в рационально отобранном (действуют возрастная, семантическая и другая фильтрация информации) и соответствующим образом поданном, сравнительно ограниченном познавательном материале.

Видимо, это ситуация информационного переноса между разными уровнями знания: научного, научно-популярного, учебного, обыденного. Прогресс науки, проникновение её во все сферы жизнедеятельности субъекта, развитие информационных технологий придаёт особое значение популяризации научных знаний. В этой связи возникает вопрос: насколько возможен адекватный перенос информации с профессионального языка науки на уровень его понимания субъектом-неспециалистом?

К его решению можно подойти, по крайней мере, с двух сторон:

- любая научная проблема и гипотеза должна иметь средства, с помощью которых, пусть не полностью, но возможен их перевод на язык неспециализированного знания;
- популярное знание является всего лишь иллюзией приобщения к научному знанию, его суррогатом.

Проблема понятности знания для неспециалистов напрямую связана с порогом доступности – минимумом знаний и уровнем интеллектуального развития, необходимого субъекту для усвоения научного знания. Следует учитывать возраст, тип и уровень образования и культуры тех, кому адресуется эта информация, а также характер самого популяризируемого знания.

Гносеологическая основа понятности (доступности) научного знания для неспециалистов лежит в опоре на имеющиеся знания, определённую парадигму мышления. Из теории информации известно, что «новая информация усваивается лишь тогда, когда она без особого труда укладывается в общепринятые представления. Информация не признаётся в качестве таковой, пока она не превращается в знание» [2].

Разумеется, что новая информация выходит за рамки уже известного знания, иногда даже может ему противоречить, но этот разрыв не должен превышать некий барьер, иначе сведение будет не понято.

Важным условием понятности получаемой информации является её первоначальное, интуитивное понимание. Оно происходит с помощью аналогий и ассоциаций и это, видимо, наиболее рациональный и эффективный путь научной популяризации.

Итак, понимание – это достраивание новых фактов к имеющимся, приведение к целому старого и нового знания. Иными словами, понимание осуществляется как перенос известного на неизвестное, как метафора в широком смысле слова «перенос». Именно перенос выступает главным механизмом понимания. Метафора в таком толковании не есть явление чисто языковое, хотя лишь в языке могут быть зафиксированы развитые формы метафорического переноса как механизма понимания. Сам способ образования слов-понятий предполагает метафору или перенос чувственно-конкретного смысла на иной, чувственно не данный объект.

Метафорический перенос лежит в основе как первичного понимания, изначального схватывания целого, так и в основе построения систем более высокого уровня.

Разрыв между научным уровнем понимания и уровнем здравого смысла может быть уменьшен через популяризацию сверхспециализированной информации. Бытует мнение, что будущие формы научной литературы будут ближе к научно-популярному типу, чем к специальным научным статьям.

В этой связи актуальным становится совершенствование популяризации через систему общего и специального образования. Речь идёт опять об информационном переносе, то есть об изменении формы бытия информации (или трансформации) при сохранении смысла в процессе движения (или трансляции).

Основным источником информации в процессе образования является учебник. Он должен отвечать обязательным условиям: *во-первых*, быть рассчитанным на определённую социальную группу; и, *во-вторых*, давать некий стандарт знаний в той или иной области изучаемого предмета. При реализации этих условий подчас и возникает противоречие. Оно проявляется между значительным объёмом сложных знаний (обязательных по стандарту) и реальным качеством усвоения этих знаний обучающимися, у которых далеко не всегда формируется система, целостное понимание получаемой информации.

Что затрудняет усвоение информации? С одной стороны, это неоправданная усложнённость излагаемого материала, недостаточная его доступность. С другой – всё более увеличивающийся объём информации, усвоение которого становится затруднительным даже в более или менее доступном переложении.

При информационном переносе возможно неполное или неточное транслирование информации: дезинформация, умолчание (они рассматривались ранее), а также – полуправда. Феномен полуправды имеет несколько форм. Прежде всего, это «поэтапная», «порционная» (И.Н. Виноградов) полуправда.

Выделим две ситуации:

- институциональному субъекту (правительству, ведомству) известна вся информация о чём-либо, полная правда, но он её предаёт гласности выборочно, частично;
- институциональному субъекту неизвестна полная правда, она становится известной лишь частным лицам, но официальные органы препятствуют распространению важной информации, налагают запрет на публикацию новых данных, тем самым происходит неполное, «урезанное» отображение реальности.

На практике оказывается проблематичным требование полноты и неделимости информации, циркулирующей в информационно-знаниевом поле, но очевидна недопустимость ограничения и селекции общественно значимой информации, её дозирование [3].

Полуправда – это неполное и часто не вполне точное транслирование информации адресату. Возможны две её разновидности: субъект сообщает другому лицу лишь часть информации, которой владеет, без намеренных искажений, и субъект-транслятор сообщает информацию, в которой истинная информация сочетается с ложной. В обоих случаях адресат не имеет возможность проверить передаваемую ему информацию. Полуправда может основываться на неточностях передаваемых сведений, определяться многочисленными мнениями и оценками, неуверенностью в результатах познания и неправильной самооценке.

Намеренная полуправда – средство защиты интересов субъекта, достижения цели и выигрыша в социальных играх. Искажение информации при трансляции происходит и по причине того, что коммуникативная ситуация может приобретать форму, в которой транслятор и адресат информации выделяются резкой асимметричностью позиций, например, родители – ребёнок, чиновник высшего ранга – чиновник низшего ранга, учитель – учащийся. В подобных случаях вряд ли можно избежать полуправды, так как полное понимание невозможно ввиду разного возрастного, социального, интеллектуального уровня.

Если речь идёт о манипулировании информацией, «фильтрации» её, то обманные действия в форме полуправды, производимые институциональным субъектом, носят системный характер. Информационно-управленческая система задаёт фильтры и каналы распространения информации, допустимые способы её оценки и интерпретации, определяет категориальную структуру полуправды, то есть общие параметры смыслового структурирования сообщения.

Полуправда – это всегда необходимое средство дезинформации. Однако совершенствование технологии обмана приводит к развитию процедур, его разоблачающих, позволяющих успешно расшифровывать скрытые значения и смыслы, содержащиеся в информации, раскрывать цели и условия конкретной коммуникации, в силу которых адресаты намеренно вводятся в заблуждение.

Информационная модель знания, записанная в компьютере, вербализованная в тексте – намёк на представленное знание, по которому субъект должен творчески воссоздать само знание. Наше мышление неоднозначно, противоречиво, но именно благодаря этому возможна смысловая интерпретация, позволяющая устанавливать связь с уже имеющимися знаниями. Понять новое – значит переформулировать его в терминах сложившейся системы понятий. Таким средством порождения нового знания в философии познания и исследованиях в области «искусственного интеллекта» считается метафора.

Будем придерживаться расхожего, стереотипного понимания метафоры как своеобразной освоенной техники в режиме автоматизма. В таком употреблении утрачивается её основной эффект – «семантического сдвига», «семантического смещения». По верному замечанию Н.Д. Арутюновой метафора как идеология новых значений рождается в результате взаимодействия гетерогенных сущностей – эмоций, экстралингвистических знаний, житейского опыта носителей языка, иногда случайных наблюдений, впечатлений, оценок [4].

С помощью метафор структурируется процесс понимания, складываются некоторые схематичные познавательные схемы, определяющие восприятие и представление информации в нашем мышлении. Эти схемы выполняют ряд важных функций. Прежде всего, они играют роль фильтров, пропускающих информацию, соответствующую фильтру, и задерживающих, скрывающих информацию, ему не соответствующую.

Далее, они систематически упорядочивают поступающую информацию в соответствии с заданной схемой; и, наконец, связывают в памяти отдельные блоки информации в единое целое. Сами метафоры нельзя рассматривать как временные образования, создающиеся и существующие для данного конкретного случая. Они служат лесами знания, позволяющими уллучшить наше понимание.

Трансляция и трансформация знания могут быть описаны с помощью близких понятий, которые всё же надо разграничивать: это метафорический перенос и внешне сходный с ним вид трансляции – мифический перенос. Современное человечество переполнено знаниями, переполнено информацией. Смысл нашего существования – освоение информации, получившей уже некую социальную значимость, которая хранится не только в устной, письменной, но и других формах, созданных цивилизацией.

По своей сути знание – это сложно структурированный объект, в котором можно выделить личностное (о нём уже подробно говорилось в этой работе), фоновое, социальное знание.

Социальное или социально-рефлексивное знание появляется и существует лишь в момент передачи информации, в осознаваемый нами момент. Как только информация передана, она становится либо моим личностным знанием, либо превращается в некий фон.

Фоновое знание, в свою очередь, представляет набор стереотипов, непроговариваемых и нерелексированных. Оно существует на дооценочном уровне, на уровне обыденности, здравого смысла, это есть заведомо истинное и само собой разумеющееся для нас. Способом построения этого фонового знания или информационной реальности становится миф,

формируется его особая мифологическая реальность, на её язык, язык её образов мы и стараемся перевести свои знания.

Мы переживаем реальность скорее в образах, чем в понятиях. Нам нужны какие-то упрощённые формулы, «модели – образцы», которые позволяют нашей психике найти более простой путь к согласию с миром. Для этого нам и нужны мифы, как упрощённое, одностороннее и потому популярное истолкование некоего явления или проблемы. Причём, упрощая и произвольно обобщая, миф всё же находит пусть небольшую, но часть объективной истины.

Субъект не в силах контролировать (проверять) знания, добытые не им, да ещё и в малоизвестных ему областях. В мифе он получает разрешение работать с «чужим» знанием, не проверяя его постоянно [5].

Миф не противоречит миру знаний, он представляет определённый способ бытия знания, хотя и равнодушный по отношению к тем знаниям, которые добывает и хранит. Он ничего не объясняет, да он просто ничего и не пытается объяснить. Миф – это сфера чувств, эмоций, а не критического и логического.

Когда мы пытаемся рационализировать миф (поймать его, зафиксировать, объяснить, просто проговорить его), миф перестаёт быть самим собой, он как бы растворяется в словах. Не следует ли из этого, что высшим уровнем мифа должен стать миф – молчание? Не случайно же «мысль изреченная есть ложь» и значит, говорящее молчание проговорённый миф не может быть чётким и ясным, потому что превращается в ложь. Мы можем понимать миф, как модель – образец, который облегчает нам ориентировку в сложном мире, регулирует наше поведение. Мы всё понимаем через миф. Он для нас – это очки, сквозь которые мы смотрим на мир. Для человека, тяготеющего, к тем или иным мифам, они становятся очевидной и обыденной реальностью.

Мир современных мифов обеспечивает виртуальную целостность человека. Это его способ существования. Современный человек воспринимает действительность не непосредственно, а через средства массовой информации, через созданные ими модели, стереотипы, то есть имеет дело с отчуждённой информацией.

Информационные технологии становятся независимым фактором, а виртуальная (мыслимая, информационная) реальность выступает всеобщей формой существования субъектов, обладает всеми атрибутами объективности. Знаки «материализуют» эти виртуальные представления.

Информация становится виртуальным ресурсом, появляется новая форма её отчуждения. Интернет, средства массовой информации (СМИ) совместно с наукой порождают и распространяют современные мифы, формирующие специфическую форму реальности. Происходит структурирование и унификация сознания, наполнение его определёнными идеями и знаковыми конструкциями. Человек живёт в мифологическом пространстве, которое к тому же является пространством функциональным.

Таким образом, СМИ и Интернет работают с сознанием человека как субъекта, формируют виртуальное пространство – жизненную среду существования субъектов. Из этой среды человек извлекает виртуальные ресурсы, удовлетворяя ими свои потребности. Субъекты погружены в субъективную среду, объективную по своему статусу, они живут в ней. Следует заметить следующее: субъекты являются не только создателями этой среды и виртуальной реальности, они становятся управляемыми единицами этой среды.

Интернет представляет собой глобальную виртуальную искусственную среду обитания субъектов, куда постепенно перемещаются общественно-политические, финансовые и другие процессы. В то же время, это коммуникативная среда, без которой уже невозможна трансляция информации в наши дни [6].

Субъекты генерируют и накапливают знания индивидуально, получая их непосредственно при помощи научения и опосредованно – через вещи, орудия, тексты. В познании происходит замена объектов бытия их моделями. Поэтому окружающий мир в рефлексии предстаёт в виде информационных моделей. Многократная рефлексия порождает многократное моделирование, то есть модели конструируются из моделей, которые в свою очередь состоят из моделей и так далее. Это порождает виртуальные реальности и неадекватное представление о бытии. Речь идёт о конструируемой реальности, которой нет вне субъектов.

Каждая эпоха имеет свои формы виртуальной реальности. Для современного человека первобытные мифы и верования – виртуальность того времени. Люди прошлого считали мифы

реальностью, которой доверяли, не подвергали сомнению, их нельзя было считать неправильными, ложными, это была их объективная реальность.

Виртуальная реальность характеризуется тем, что человек воспринимает и переживает её не как порождение своего ума, а как объективную реальность. В ней, в отличие от консуетальной (обычной) реальности, выделяют следующие специфические свойства: порождённость, актуальность, автономность и интерактивность. Различают также типы виртуальных реальностей: гратуал (привлекательный) и ингратуал (непривлекательный) [7].

В гратуале сфера деятельности субъекта расширяется, он легко схватывает и перерабатывает весь необходимый объём информации. В ингратуале информация перерабатывается и усваивается с трудом, сфера деятельности сужается. Находясь в гратуале, говорят о ясности сознания, обострении чувства прогнозирования. Рассеянное внимание, «тёмное» сознание – признак присутствия в ингратуале.

Виртуальная реальность даёт человеку возможность иначе оценивать себя и свои познавательные возможности. У него может появиться либо чувство своего могущества и возможности преодолеть все препятствия (в гратуале), либо при трудно текущей познавательной деятельности появляется чувство своего бессилия перед информационными проблемами.

Особенностью виртуальной реальности можно считать её производность от какой-либо другой реальности. В этом смысле она искусственная, сотворённая, порождённая. Виртуальная реальность существует актуально, пока активна порождающая реальность. У человека, находящегося в ней, свои законы существования, своё время и пространство.

Виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с объективной реальностью, её порождающей, как онтологически независимая от них. В отличие от виртуальной реальности, порождающая реальность называется константной. Понятия «константный» и «виртуальный» – относительные, потому что виртуальная реальность может породить виртуальную реальность следующего уровня, став относительно неё константной реальностью.

Появление первых элементов новой реальности сразу не заметно, но постепенно она (новая реальность) становится ведущей, вытесняя предыдущую. Старая виртуальная реальность становится константной реальностью. Феномен удвоения реальности заключается не в том, что появляются две реальности, а в том, что каждая реальность – новое видение и понимание мира. Научная деятельность и вся сфера познания превратилась в главный источник мифотворчества, появления и развития виртуальностей.

Знание имеет двоякую природу. Оно обобщает прошлый опыт, прошлые знания субъектов и является их продуктом. Вместе с тем оно ресурс будущих виртуальных состояний. В этом смысле знание опережает и создаёт новое бытие через реализацию субъектами своих программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оллбриттон Д. Когда метафоры функционируют как схемы: некоторые аспекты когнитивного значения метафор. // РЖ Социальные и гуманитарные науки отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия. – 1997. – № 1. – С. 213–15.
2. Колеватов В.А. Социальная память и познание. – М.: Мысль, 1984. – 247 с.
3. Дубровский Д.И. Обман: философско-психологический анализ. – М.: Изд-во РЭИ, 1994. – С. 49–51.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 369.
5. Бляхер Е.Д., Волынская Л.М. Научная метафора: к методологии исследования трансляции знания // Философские науки. – 1989. – № 2. – С. 32–46.
6. Корсунцев И.Г. Глобальные процессы и технологии // Философские исследования. – 2001. – № 1. – С. 204–210.
7. Шеховцев А.Ю. Информационная парадигма в структуре современного мышления. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – С. 30–31.

Поступила 11.10.2011 г.